

М.А. Фельдман

д. ист. н., профессор, Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ (Екатеринбург)

ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА: ПРОБЛЕМА ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗМЕЩЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ)¹

Аннотация. Рациональному размещению производительных сил в СССР придавалось особое значение: оно должно было быть дополнительным источником повышения темпов социалистического строительства и помочь догнать и перегнать капиталистический Запад. Но конкретные условия реализации планов первой пятилетки внесли изменения в идеальную схему размещения производительных сил: реальная картина распределения капиталовложений во многом складывалась под воздействием инерционных процессов размещения производительных сил; удобства для государственных ведомств наращивания индустриального потенциала в центре страны; наличия квалифицированных кадров.

Ключевые слова: размещение, пространство, промышленность, регионы, планы.

JEL: N60, N70, N90, O25.

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_4_138_149.

Методология анализа проблемы

Возникшая в первой четверти XIX в. научная школа штандорта (изучения оптимальной локализации производства) свои основные усилия направила на исследования формирования экономических зон в зависимости от их расстояния от центра, оптимального размещения промышленного производства и сосредоточения мест рыночных обменов. Многие работы школы штандорта были опубликованы в СССР в 1920-е гг., где существовали свои исследователи пространственной экономики. Например, в ходе разработки плана ГОЭЛРО изучались проблемы оптимального размещения локальных энергетических, транспортных и промышленных систем, а также проводилась корректировка сетки административно-территориального деления страны для более полного учета их экономической специфики.

В начале 1920-х гг. С.В. Бернштейн-Коганом была разработана теория экономического ландшафта и рационального размещения промышленности, основанной на таком территориальном разделении труда, в рамках которого субъектами специализации выступают страны и отдельные регионы [Бокарев, 2012. С. 113].

Общепринятая парадигма размещения производительных сил, способствовавшая пониманию процессов размещения производства, трактовала размещение производительных сил, в частности отдельных предприятий, с микроэкономических, «точечных», пози-

¹ Статья выполнена при поддержке гранта 21-09-43024 СССР. Пространственное размещение промышленности СССР в годы предвоенных пятилеток: замысел и результат.

ций, а выбор конкретного оптимального местоположения предприятия связывался с ориентацией его на минимизацию затрат, которые определяли три основных фактора — транспортный, трудовой и агломерационный. Дальнейшее развитие производительных сил, сопровождающееся расцветом индустриальной эпохи и переходом ко второму и третьему технологическим укладам, показало ограниченность чисто микроэкономического подхода к проблемам размещения [Анимица, Анимица, Денисова, 2014. С. 23].

Исследователи приходили к выводу о том, что при соотношении *территориальной организации промышленности и пространственного размещения промышленности* первое понятие шире и её основными формами являются промышленные районы, комплексы и узлы [Бакланов, 2012. С. 32]. В условиях централизованной плановой экономики ведущими выступали процессы управления. Последние включали экономическое районирование, разработку и реализацию Генеральных схем развития и размещения производительных сил, районные планировки, территориальное планирование и управление.

Желание максимизировать экономию от масштаба вело к увеличению размеров предприятий, что в сочетании с установкой на равномерное пространственное развитие выражалось в деконцентрации промышленности и сверхспециализации территорий. Знаменитые советские территориально-производственные комплексы усиливали преимущества межотраслевой кооперации, но подавляли положительные эффекты внутриотраслевых связей и кластеризации, характерные для развитых стран с рыночной экономикой. Привязка «соцкультбыта» к предприятиям заставляла рабочих и членов их семей расселяться в непосредственной близости от новых промышленных объектов [Белов, 2012. С. 10].

В СССР активно преобразовательный подход к размещению производительных сил основывался на так называемых «принципах социалистического размещения производства» — планомерность, комплексность, приближение к источникам сырья и центрам потребления, выравнивание уровней развития и др. [Анимица, Анимица, Денисова, 2014. С. 26]. Рациональному размещению производительных сил в СССР придавалось особое значение: оно должно было стать дополнительным источником повышения темпов социалистического строительства и помочь догнать и перегнать капиталистический Запад. Но конкретные условия первых пятилеток внесли изменения в идеальную схему размещения производительных сил: необходимость технического перевооружения страны вела к повышению роли машиностроения, что возлагало дополнительные задачи на старые промышленные районы. Первостепенное значение приобретали и сугубо оборонные задачи [Твердюкова, 2010. С. 412].

В СССР с конца 1920-х гг. разрабатывалась идея промышленного комбината, предполагавшая тесные связи производственного объекта с другими предприятиями района, с местными источниками сырья, топлива и рабочей силы, а также потребителями продукции. Большинство комбинатов располагались на Урале, в Донбассе, в Центральном районе. Однако комбинирование оказывалось зачастую оторванным от жизни задачи [Твердюкова, 2010. С. 414].

Особенности советской модели размещения экономического потенциала включали излишнюю специализацию регионов и недостаточную концентрацию промышленности. Положительной чертой этого было укрупнение предприятий и снижение издержек, отрицательной — неустойчивость монокультурной структуры и слабость эффектов концентрации и кластеризации [Белов, 2012. С. 12].

С развертыванием индустриализации для плановых органов наиболее значимым показателем эффективности были темпы развития промышленности, именно с этой точки зрения рассматривались выгоды того или иного размещения промышленности, а главным рычагом изменений становились капиталовложения. В приложении к третьему тому Первого пятилетнего плана дан перечень свыше 1400 новостроек по республикам и районам. На практике проекты планов в течение всего предвоенного десятилетия в значительной степени представляли собой сумму заявок с мест, в два-три раза превышающих реаль-

ные возможности регионов, стремившихся получить от Центра максимально возможную сумму вложений [Твердюкова, 2010. С. 414]. Но проблема заключалась не только в количественных показателях темпов роста, а и в изменении подходов к пространственному размещению промышленности в годы первой пятилетки.

Идеология и практика «социалистической экономики»

Осмысление драматических событий первых лет пятилетки шло на всех уровнях [Фельдман, 2020а]. Идеология «социалистической экономики» обладала удивительным свойством: впитывать научные мысли, вытекающие из развития мировой и отечественной экономической науки, и одновременно пропагандировать мифологические парадигмы, порожденные марксистской теорией. Показателен в этом отношении сборник тезисов Института промышленно-экономических исследований, подготовленный в конце 1931 г. к Первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил [Принципы..., 1932].

Радикальный тезис — «предполагается уничтожение старой системы общественного разделения труда» — соседствовал с бодрым утверждением о способности социализма а priori «обеспечить равномерное размещение промышленности по всей стране» [Принципы..., 1932. С. 8]. Как видно, идеологическая установка на способность социализма «создавать наиболее эффективное размещение промышленности» не вызвала сомнений у учёных рубежа 1920–1930-х гг.

Вместе с тем присутствовал ряд научно обоснованных тезисов, например, что «основным принципом социалистического размещения промышленности должно быть комплексное использование сырьевых и энергетических ресурсов», требующее «определения профиля и предела промышленной и сельскохозяйственной специализации экономики района и перспективы их развития» [Принципы..., 1932. С. 8].

По мнению учёных, объективные экономические процессы специализации и кооперирования должны были проходить на основе «минимизации затрат на основе хозрасчёта, а основным критерием для размещения предприятия или комбината должны являться наличие рынка сбыта, хозрасчётное обоснование места; энергетическая достаточность». Авторы тезисов подчеркивали: «...развитие кооперирования должно происходить на основе укрепления хозрасчёта; договорной дисциплины; механизма контроля рублем — неустоек штрафов» [Принципы..., 1932. С.10, 12].

Для начала 1930-х гг. весьма смелым утверждением звучали слова о недопустимости простого администрирования, расширения административного вмешательства в руководство предприятиями (!), а также о необходимости разукрупнения громоздких предприятий, сокращения радиусов кооперирования, специализации небольших предприятий [Принципы..., 1932. С. 32, 33]. Причиной подобной смелости следует считать наличие «за спиной» авторов сборника тезисов документов первого пятилетнего плана, исповедующих подобные взгляды.

Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР большое значение придавал пространственному размещению промышленности. Из трех томов пятилетнего плана этой проблеме был посвящен отдельный том — третий — сфокусированный на районном разрезе индустриальных процессов.

Признание «сложности межрайонных отношений, в ходе процесса планирования» привело к тому, что разработчики первого пятилетнего плана подчеркивали: «...том претендует лишь на краткую обобщенную характеристику сложных хозяйственных процессов... Углубленный анализ межрайонных процессов, а также детальная разработка внутрирайонной системы организации экономик должны явиться задачей последующих работ

плановых органов» [Пятилетний..., 1930. С. 6]. Обоснованием последнего утверждения была и оговорка авторов издания — «том готовился в ускоренном режиме, обусловленном необходимостью выпуска его к Пятому Всесоюзному съезду Советов» [Пятилетний..., 1930. С. 6].

Издание третьего тома стало последним делом руководства Госплана во главе с Г.М. Кржижановским [Фельдман, 2020b], и в Предисловии к третьему тому содержалось указание на многомесячную борьбу за соблюдение научных принципов планирования: «...в основу построения плана народно-хозяйственного строительства СССР в районном разрезе был положен «оптимальный» вариант, отправной же вариант получил отражение лишь в её основных суммарных проектировках плана» [Пятилетний..., 1930. С. 6].

В этой связи оптимистические надежды разработчиков на то, что при социализме «географическое разделение труда превращается в планомерно осуществляемый метод территориальной организации труда на основе порайонной его специализации в целях достижения максимально возможной эффективности», основывались на *системе подвижных индикативных индикаторов* [Пятилетний..., 1930. С. 10].

Подход команды Г.М. Кржижановского к экономическому районированию, как к организации «рационально-построенной и планомерно развивающейся системы сотрудничества экономических районов», сочетался с указанием, во-первых, на необходимость совпадения границ административно-территориальных объединений и экономических районов; во-вторых, на установление определенной хозяйственной самостоятельности руководства республик и областей [Пятилетний..., 1930. С. 11]. Без такой степени самостоятельности «организация рационально-построенной и планомерно развивающейся системы сотрудничества экономических районов», и её обратная сторона — «организация сложного межрайонного сотрудничества» [Пятилетний..., 1930. С. 10] — превращались в трудно достижимое дело.

В качестве положительного примера приводилось создание восьми областей, чьи территории (например, Уральской области) были близки к границам крупных экономических районов [Пятилетний..., 1930. С. 11, 12]. При этом впервые вводилась идея рассмотрения ряда областей (в частности, Урала, Донецко-Криворожского района) как «крупнейших территориально-промышленных комбинатов, обеспечивающих планоность и высокую эффективность затрат общественного труда» [Пятилетний..., 1930. С. 16].

Другим вектором пространственного размещения промышленности стало целенаправленное приоритетное размещение производственных мощностей в восточных регионах СССР. Показательно, что если на 1 октября 1928 г. в трех старых промышленных районах (Центрально-промышленном районе, УССР и Ленинграде) было сосредоточено 65,3% всех основных производственных фондов государственной промышленности, то к концу первой пятилетки их доля должна была существенно сократиться — до 54,7%. В то же время, как следует из данных табл. 1, по наметкам первого пятилетнего плана доля Уральской области стремительно возрастала: с 4,27 до 10,36%, а вместе с Башкирией — с 4,58 до 10,73%. Для достижения поставленной задачи Уральскому экономическому району выделялось 12,6% всех всесоюзных капиталовложений.

Казалось бы, приоритет пространственного размещения промышленности на территории восточных районов пронизывал всё планирование второй половины 1920-х — начала 1930-х гг. Еще в мае 1926 г. президиум Госплана СССР издал циркулярный материал о проекте развития экономики на 10–15 лет. В этом документе развивалась идея создания в СССР промышленных комбинатов как наиболее рациональной структуры использования природных ресурсов с наименьшей себестоимостью выпускаемой продукции. Идея Урало-Кузбасского комбината (УКК) была названа в числе первоочередных в проектировках Генерального плана развития промышленности до 1941 г. [Тимошенко, 2010. С. 168].

Таблица 1

Динамика движения капиталовложений в промышленность, стоимость основных производственных фондов по основным индустриальным регионам СССР в 1928–1933 гг.

Регион, страна	Октября 1928 г.				1 октября 1933 г.		
	стоимость фондов, млн руб.	%	капиталовложения в промышленность за пятилетку, млн руб.	%	стоимость фондов, млн руб. (план)	%	
ЦПР	2182	30,8	2820	17,5	4337	21,2	
УССР	1735	24,5	4200	26,1	5350	26,17	
Ленинградская обл.	705	9,96	1017	6,3	1487	7,28	
Уральская обл.	302	4,27	1962	12,2	2118	10,36	
Башкирия	22,6	0,31	74,5	0,4	76	0,37	
СССР	7792	100	18638	100	22517	100	

* Источник: Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. Т. 3. М.: Плановое хозяйство, 1930. С. 38–40; 554–555; 562–563.

Однако одновременное финансирование ряда промышленных комбинатов, гигантов электроэнергетики и транспортных магистралей было признано невозможным. 6 ноября 1926 г. на пленарном заседании Президиума Госплана, рассматривавшем очередность строительства самых крупных объектов, вошедших в Генеральный план развития промышленности, приоритет был отдан сооружению Днепрогэса и Турксиба [Тимошенко, 2010. С. 168].

Черёд УКК пришел осенью 1928 г., когда, по решению ВСНХ СССР, Госплан разработал план ускоренного строительства предприятий, входивших в его состав [Тимошенко, 2010. С. 177]. Однако период последующих месяцев — времён острой внутрипартийной борьбы — привёл не только к безудержному росту количественных показателей пятилетнего плана, но и к перемене подходов к пространственному размещению промышленности.

Например, если во второй половине 1920-х гг. руководство Уральской области рассматривало в качестве необходимого элемента региональной экономики создание производства завершённого цикла, то в 1930-е гг. такой проект не мог рассчитывать на поддержку со стороны руководства страны, поскольку основным принципом выделения экономического района стал признак его специализации во всесоюзном масштабе. Планы 1920-х гг., нацеленные на выявление и использование местных производственных возможностей, были дезавуированы. Так, Постановление ЦК ВКП(б) «О работе Уралмета» (15 мая 1930 г.) предлагало ВСНХ и Госплану в кратчайшие сроки разработать и представить в СНК единый жёстко централизованный план развития металлургии, рудной, угольной и коксохимической отраслей промышленности в восточных районах страны [Тимошенко, 2010. С.178].

В конечном же счёте ни один из вариантов создания единого УКК так и не был осуществлен в чистом виде. Фактически Уральский район создавался при отрицании естественных местных экономических связей, вместо них создавалась жёсткая управленческая вертикаль, характерная для всех регионов СССР [Твердюкова, 2010. С. 415]. Подобная негативная тенденция встретила (в сдержанно-критическом формате) противодействие учёных-экономистов. Жёстко централизованный, ведомственный характер управления экономикой, диктующий формирование хозяйственных связей Урала и Кузбасса по отраслевому признаку, был подмечен весной 1931 г. на конференции научно-отраслевых инсти-

тутов, ведущих разработку УКК, и охарактеризован как препятствующий осуществлению метода межотраслевого и внутрирайонного комбинирования [Бакунин, Бедель, 1994. С. 53]

Научное видение проблемы межрегионального сотрудничества прозвучало на первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил (апрель 1932 г.) Так, в докладе В.Ф. Васютина — участника разработки проекта Урало-Кузбасса и одновременно одного из первых исследователей начальной стадии реализации индустриальной программы — Урало-Кузбасс рассматривался прежде всего как пример масштабного межрайонного комбинирования, где каждое строящееся новое предприятие создавалось не изолированно, а в рамках единого хозяйственного комплекса [Васютин, 1932. С. 8–9].

Метод комбинирования, разъяснял В.Ф. Васютин, включал в себя приближение к стопроцентному использованию всех перерабатываемых веществ; максимальное комбинирование и использование всех видов энергии, комбинированное использование всех видов транспорта; внедрение элементов комбинирования в использование самого труда. Комбинирование в широких масштабах позволяло обеспечить подлинное использование всех достижений науки и техники, высокую эффективность производства [Васютин, 1932. С. 5–6].

Определение В.Ф. Васютина представляло более глубокое и развернутое понимание рассматриваемой индустриальной программы в сравнении с формулировкой первого пятилетнего плана. Там Урало-Кузбасс определялся как *система сложного межрайонного сотрудничества*, нацеленная на специализированное производство продукции на всесоюзный рынок [Пятилетний..., 1930. С. 10]. Программа сотрудничества в тексте первого пятилетнего плана практически сводилась к *управляемому сверху обмену углем и рудой* между Уральским и Кузнецким районами.

Доклад В.Ф. Васютина «Урало-Кузбасс во втором пятилетии. Основные линии развития», прочитанный на первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил, проходившей в Свердловске в 1932 г., предлагал более широкую трактовку понимания задач планирования и реализации Урало-Кузбасского проекта. Судя по тому, что доклад в переработанном и дополнительном виде был издан отдельной брошюрой в Москве в том же 1932 г., его содержание было одобрено властными структурами. Это отражало процесс определенного переосмысления руководителями СССР итогов первых лет пятилетки.

Доклад и брошюра В.Ф. Васютина указывали на задачи промышленности Восточных районов. В машиностроении ставилась задача строительства ряда новых специализированных комбинатов; проблема их кооперации адресовалась центральным плановым органам. При этом акцент делался не на кооперацию внутри машиностроительной отрасли в УКК, а между машиностроением УКК и машиностроением других частей СССР [Васютин, 1932. С. 47–48].

Заметным явлением стало выступление Г.И. Ломова, заместителя председателя Госплана СССР, на открытии Всесоюзной конференции по размещению производительных сил в УКК 7 апреля 1932 г. Исключительное значение имели слова Г.И. Ломова, руководившего в начале 1920-х гг. Сибпромбюро ВСНХ, Уралэкономсоветом, а во второй половине 1920-гг. «Нефтесиндикатом» и трестом «Донуголь», о вреде увлечения «гигантизмом промышленных комбинатов» [Труды..., 1933. С. 12]. По сути, Г.И. Ломов воспроизвел известное в управленческой науке 1930-х гг. суждение: эффект масштаба имеет пределы, за которыми издержки начинают расти, а объединение предприятий — пределы роста и управляемости [Шпотов, 2009. С. 31].

Г.И. Ломов обратил внимание и на вред абсолютизации количественных показателей. По его мнению, упор в реализации Урало-Кузбасского проекта в годы второй пятилетки необходимо было сделать на освоении уже созданных промышленных предприятий; на качественные показатели и максимальное использование оборудования [Труды..., 1933. С. 13]. Он также указал на существенный недостаток проекта Урало-Кузбасса: недостаточное внимание

со стороны центральных и местных плановых органов развитию легкой и пищевой промышленности. Например, в районе УКК создавались только два мясокомбината — в Орске и Семипалатинске, то есть за пределами Урала и Кузбасса [*Труды...*, 1933. С. 12].

Опытный хозяйственник обратил внимание на слабую сторону межрайонного сотрудничества двух регионов, подчеркнув, что опыт истекших лет показал: связь Урала и Кузбасса каждый год зимой, в трудных погодных условиях нарушается, не позволяя Уралу выполнять плановые задания в металлургии. Между тем именно транспортное сообщение двух регионов называлось специалистами и учёными «наиболее лимитирующим фактором форсированного создания комбината». А невыполнение главного звена транспортной программы — электрификации железнодорожного сообщения между Уралом и Кузбассом [*Труды...*, 1933. С. 11, 35] (осуществлённой только в послевоенный период) — отмечалось в качестве одной из причин, препятствующих всесторонней реализации единого Урало-Кузнецкого угольно-металлургического предприятия. Можно только сожалеть, что указанный критический анализ соиздания Урало-Кузбасса остался без должного внимания, а сам Г.И. Ломов уже в 1933 г. был выведен из числа работников Госплана и переведен на восторостепенную работу.

В своеобразном диалоге советских учёных-экономистов и сторонников жёсткой централизации управления присутствовала и «третья сторона»: в январе 1931 г., после полутора лет напряженных дискуссий, руководство страны утвердило план развёртывания (через два-три года!), армии, оснащенной тысячами новых самолетов, танков и орудий. Непрерывающиеся пересмотры планов реконструкции РККА усугубили приспособление экономики к реализации мобилизационных программ [*Кен*, 2002. С. 159, 160, 191].

Формирование (с 1931 г.) обширной группы машиностроительных и металлургических предприятий, включенных в оборонно-промышленный комплекс, имело чётко выраженный пространственный аспект: мобилизационные заказы чаще получали заводы с уже устоявшимся производством в западной части страны, а значит, с меньшими рисками при выполнении плановых заданий. Территориальное размещение предприятий Военпрома на Урале в годы первой пятилетки включало в себя или традиционное производство винтовок и орудий (Ижевск и Пермь), холодного оружия (Златоуст); либо расконсервирование мощностей по выпуску боеприпасов, налаженному в годы Первой мировой войны [*Соколов*, 2012. С. 171, 179].

Однако само себе возобновление производства боеприпасов на уральских заводах проходило с большим трудом. Так, в аналитическом обзоре Госплана СССР отмечалась низкая квалификация набранных рабочих, а также тяжелейшие жилищные условия: военная промышленность могла «обслужить этой площадью только ¼ всех работающих, при совершенно недопустимой норме площади — около 3,5 м² на человека» [*Итоги...*, 2008. С. 750–755]. Как отмечалось в Докладной записке начальника Сектора обороны Госплана СССР С.О. Ботнера руководству Госплана СССР, острой проблемой являлась обеспеченность военной промышленности кадрами [*Становление...*, 2011. С. 140–142]. Как видно, на пути запланированного советским руководством сдвига промышленности на Восток отчетливо встал «человеческий фактор».

Вместе с тем, с точки зрения долговременной перспективы, планирование строительства машиностроительных заводов в районах Урала и Сибири в обязательном порядке включало в себя раздел «специального» (оборонного) производства. Проектные организации обязывались увязывать свою работу с мобилизационными заданиями, нацеленными на «ассимиляцию» гражданского и военного производства. В качестве образца предлагался опыт Уралмашстроя, в проекте которого были органически увязаны общая и «специальная» секретная часть» [*Итоги...*, 2008. С. 750–755].

История борьбы ведомств и региональных руководителей за конкретное распределение и перераспределение капиталовложений в годы Первой пятилетки еще ждет своего исследователя. Из материалов табл. 1 вытекает следующий вывод: удельный вес Украины

в распределении промышленных капиталовложений (26,2%) существенно превышал её удельный вес в промышленном производстве (19,1%) [*Пятилетний...*, 1930. С. 563], а также в распределении производственных фондов (24,5%). Обратим внимание и на следующее обстоятельство: капиталовложения в промышленность Украины почти в 1,5 раза превышали вложения в промышленность ЦПР, обладающую большим производственным потенциалом. Стоимость производственных промышленных фондов Украины за пятилетку должна была вырасти в 3,1 раза при аналогичном показателе по промышленности СССР в 2,9 раза [*Пятилетний...*, 1930. С. 554].

С точки зрения генерального курса государства — сдвига промышленности на Восток — такая ситуация была труднообъяснима, и на подобное противоречие обратили внимание специалисты Госплана. При этом подчеркивалось, что эти вложения были распределены по территории Украины крайне неравномерно: «...из 1345 млн руб. вложений в новое строительство на промышленность Донбасса, Запорожья и Криворожья, территорий, где проживали 6,5 млн чел. населения, приходится 1 200 млн руб. в новое промышленное строительство, а на остальную часть Украины с 22,5 млн населения приходится лишь 145 млн вложений» [*Ковалевский*, 1929. С. 62].

Капиталовложения в промышленность Украины имели следующую особенность: $\frac{1}{2}$ вложений направлялась на новое строительство, а $\frac{2}{3}$ — на реконструкцию [*Ковалевский*, 1929. С. 62]. Для сравнения отметим: на Урале более $\frac{9}{10}$ вложений шли в *новое строительство*. Разительны были контрасты в распределении средств на лёгкую промышленность: Украина получала 13,7% общесоюзных капиталовложений в группу отраслей «Б»; Уральская область — только 2,9% — втрое меньше, чем Ленинградская область [*Пятилетний...*, 1930. С. 554, 563].

Драматизм ситуации определялся тем, что на Украину — район, расположенный у границы с капиталистическими странами, — в 1928 г. приходилось $\frac{4}{5}$ добываемого в СССР угля, 70% — железной руды, $\frac{3}{5}$ выплавки черных металлов. В то же время вся Сибирь давала 0,9 %, Дальний Восток — 0,5% промышленной продукции СССР [*Пятилетний...*, 1930. С. 119, 563].

Чем же можно объяснить такой перекося в распределении капиталовложений? Судя по реакции специалистов Госплана [*Ковалевский*, 1929. С. 62–65] — инерцией планирования. Более совершенные в техническом отношении заводы Донбасса, Запорожья и Криворожья могли дать более быструю и эффективную отдачу, чем предприятия востока страны.

Реальная картина распределения капиталовложений во многом складывалась в силу инерционных процессов размещения производительных сил; удобства для государственных ведомств наращивания индустриального потенциала в центре страны; возможности лоббирования интересов центральных регионов со стороны массива москвичей, ленинградцев, киевлян в составе союзного руководства. Таким образом, исходя из различных источников инициации решений, государство использовало разные форматы активности и приоритетов.

Реализация политики по сдвигу промышленности на восток

Реализацию государственной политики по сдвигу промышленности на восток можно было проследить по такому критерию, как реальное расходование капиталовложений по регионам. Бесспорно, в реальной жизни распределение капиталовложений отличалось от плановых наметок. Приведу такой пример. В годы первой пятилетки в промышленность Уральской области намечалось вложить 12,4% всех союзных капиталовложений. В реальности промышленность региона получила 7,8%, то есть в полтора раза меньше [*Пятилетний...*, 1930. С. 562, 563].

Показательно, что замысел увеличить долю основного индустриального бастиона восточных районов — Уральской области в производстве промышленной продукции СССР за годы первой пятилетки с 4,27 до 10,36%, а вместе с Башкирией — с 4,58 до 10,73% не увенчался успехом. В 1932 г. на долю Урала (вместе с Сибирью и Дальним Востоком!) приходилось 9,17% всесоюзной промышленной продукции [Итоги..., 1939, С. 44]. В 1937 г. Уральский экономический район произвел только 6,2% всесоюзной промышленной продукции [РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 813. Л. 132.].

Указанные тенденции пронизывали весь период первых пятилеток, обусловив и отклонение от плановых задач. Существует возможность провести сравнительный анализ пространственного размещения промышленности и в рамках экономики в границах СССР (см. табл. 2).

Таблица 2

Региональный аспект индустриализации в 1913–1940 г., %

Страна, регион	Удельный вес в промышленном производстве России в 1913 г.	Удельный вес в промышленном производстве СССР в 1940 г.
Российская империя/СССР	100	100
Урал	5,5	6,7
Украина	20,1	18
Ленинград	10,6	10,14
Поволжье	6,6	4,2

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 4575. Л. 29.

В данном случае прослеживается уже указанная закономерность: сохранение «северной столицей» своего места в союзной промышленности. Видна и новая черта: в указанный период *Урал и Поволжье* поменялись своими позициями в иерархии российской и советской индустрии. Выскажу мнение, что решающим фактором стало не только наличие на Урале более комплексного потенциала сырьевых ресурсов, опыта развёртывания военной промышленности в Первую мировую войну, но и существование единой Уральской области в 1923–1934 гг. Объединение усилий научных, плановых и хозяйственных органов Урала позволило выработать такой уникальный документ, как «Генеральный план хозяйства Урала на период 1927–1941 гг. и перспективы первого пятилетия». Ни один регион СССР, насколько мне известно, не представил союзному руководству аналогичного проекта. Но в целом позитивные сдвиги в пространственном размещении промышленности СССР не привели к устранению отставания восточных районов по ряду качественных показателей.

Таким образом, если в 1900 г. производительность труда рабочего Урала в два раза уступала общероссийской производительности труда [Кафенгауз, 1994. С. 63, 67], то в 1940 г. отставание измерялось, соответственно, в 1,2 раза². Сложнее обстояло дело в соревновании с Петербургом/Ленинградом. В 1900 г. производительность труда рабочего Урала в 2,4 раза уступала производительности труда петербургского рабочего и в 2,3 раза — ленинградского в 1940 г. [Кафенгауз, 1994. С. 63, 67]. Отставание от московского рабочего за указанный период также сократилось: примерно с четырех до трех раз. Собственно говоря, перед нами определённый итог индустриального развития Урала — наиболее индустриально развитого региона на востоке страны. В этих итогах отражены и результаты сдвига промышленности на восток (табл. 3).

² Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 811. Л. 11–12.

Таблица 3
Региональный аспект индустриализации на 1940 г.

Страна, регион	Удельный вес в промышленном производстве СССР, %	Удельный вес в составе рабочих промышленности СССР, %	Ежегодная выработка промышленной продукции в среднем на одного рабочего, тыс. руб.	Производительность труда рабочего в сравнении с общесоюзной, %
СССР	100	100	11,97	100
Урал	6,83	8,2	9,93	83
Ленинград	10,14	5,4	22,53	188
Москва	14,7	6,6	26,67	223

Источник: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 811. Л. 11–12. (Данные по всей промышленности: крупной и мелкой).

Знаменательно, что подводя итоги первой пятилетки, авторы обобщающего труда «Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР», (вместо ожидаемого анализа первых результатов создания Урало-Кузбасского комплекса), отметили «заново созданную металлургическую базу» и «более рациональное размещение угольной промышленности» [*Итоги...*, 1933. С. 18].

Вывод

Сам факт создания второй угольно-металлургической базы на востоке страны, даже в незавершенном к началу второй пятилетки виде, без сомнения, повышал обороноспособность СССР. Однако масштаб сдвига промышленности на Восток был существенно меньше, чем это намечалось директивами Первого пятилетнего плана. Не менее важно было и то, что вместо комплексного развития регионов создавалась жёсткая управленческая вертикаль, характерная для всех республик, краев и областей СССР. В такой ситуации создание областей, чьи территории были близки к границам крупных экономических районов, оказывалось ненужным. Ликвидация Сибирского края (1930 г.), Уральской области (1934 г.), других подобных объединений ослабляла возможности кооперирования на местах, достижения подлинной планомерности и комплексности развития.

ЛИТЕРАТУРА

- Анимица Е.Г., Анимица П.Е., Денисова О.Ю. (2014). Эволюция научных взглядов на теорию размещения производительных сил // Экономика региона. № 2. С. 21–32.
- Бакланов Т.Я. (2012). Территориальное размещение промышленности и её региональное развитие // Вестник Арго. № 1. С. 32–49.
- Бакунин А.В., Беделёв А.Э. (1994). Уральский промышленный комплекс. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН.
- Белов А.В. (2012). К вопросу о пространственном размещении факторов промышленности в современной России // Пространственная экономика. № 2. С. 9–28.
- Бокарев Ю.П. (2012). Виртуально-пространственный подход в экономической компаративистике. Компаративные исследования экономической истории // История мировой экономики. Вып. I: Сб. статей. М.: Институт экономики РАН. С. 109–160.
- Васютин В.Ф. (1932). Урало-Кузбасс во втором пятилетии. Основные линии развития: Докл., перераб. и доп. М.-Л.: Соц-эконом. издат.
- Итоги оборонной подготовки промышленности в первой пятилетке (2008). // Становление оборонно-промышленного комплекса СССР. (1927–1932). М.: Терра. С. 735–755.

- Итоги выполнения первого пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. (1933). М.-Л.: Госплан.
- Итоги выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства Союза ССР. (1939). М.: Госпланиздат.
- Кафенгауз Л.Б. (1994). Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX — 30-е гг. XX в.). М.: Эпифания.
- Кен О.Н. (2002). Мобилизационное планирование и политические решения (конец 1920-х — середина 1930-х гг.). СПб.: Изд-во Европейского ун-та.
- Ковалевский Н.А. (1929). Районный разрез в пятилетнем плане // Плановое хозяйство. №3. С. 53–90.
- Принципы географического размещения тяжелой промышленности во второй пятилетке (1932). Сб. тезисов: Институт промышленно-экономических исследований. М.: Изд-во НКТП СССР.
- Пятилетний план народно-хозяйственного строительства СССР. (1930). Т. 3. М.: Плановое хозяйство.
- Соколов А.К. (2012). От военного к ВПК: советская военная промышленность. 1917 — июнь 1941 г. М.: Новый хронограф.
- Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1933–1937). (2011). М.: Терра.
- Твердюкова Е.Д. (2010). Пространственное размещение промышленности и населения в СССР в 1930-е гг. // Центр и регионы в истории России. М.: Скифия-Принт. С. 412–430.
- Тимошенко А.И. (2010). Урало-Кузбасская проблема в дискуссиях и решениях Советского правительства // Урало-Кузбасс: от замысла к реализации. Сб. ст. и док. Екатеринбург: Ин-т истории и археологии УРО РАН. С. 149–180.
- Труды первой Всесоюзной конференции по размещению производительных сил Союза ССР. (1933). Т. 4. М.: Советская Азия.
- Фельдман М.А. (2020a). Трудная попытка осмысления (новый взгляд на события XVII конференции Всесоюзной Коммунистической партии (б) // Гуманитарные науки в Сибири. Т. 27. № 1. С. 78–84.
- Фельдман М.А. (2020b). Судьба российского марксиста на переломе эпох: приказано выжить // Вопросы теоретической экономики. № 2. С. 111–121.
- Шпотов Б.М. (2009). Формирование американского пути индустриального развития (конец XIX — начало XX века // Новая и новейшая история. № 2. С. 20–36.

Фельдман Михаил Аркадьевич

feldman-mih@yandex

Mikhail A. Feldman

Doctor of History, Professor Ural Institute of Management- Branch of the Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Yekaterinburg, Russia)

feldman-mih@yandex

THE FIRST FIVE-YEAR PLAN: THE PROBLEM OF SPATIAL DISTRIBUTION OF INDUSTRY (MODERN APPROACHES)

Abstract. The rational allocation of productive forces in the USSR was given special importance: it was supposed to be an additional source of increasing the pace of socialist construction and help catch up and overtake the capitalist West. But the specific conditions of the First Five-year plan made changes to the ideal scheme for the allocation of productive forces: the real picture of the distribution of capital investment was largely formed due to the inertial processes of the allocation of productive forces; the convenience for government departments of building industrial potential in the center of the country; the availability of qualified personnel.

Keywords: *location, space, industry, regions, plans.*

JEL: N60, N70, N90, O25.

REFERENCES

- Animitsa E.G., Animitsa P.E., Denisova O.Yu.* (2014). Evolyuciya nauchnyh vzglyadov na teoriyu razmeshcheniya proizvoditel'nyh sil [Evolution of scientific views on the theory of the distribution of productive forces] // *Ekonomika regiona*. No. 2. Pp. 21–32. (In Russ.).
- Baklanov T.Ya.* (2012). Territorial'noe razmeshchenie promyshlennosti i ee regional'noe razvitie [Territorial distribution of industry and its regional development] // *Vestnik Argo*. No. 1. Pp 32–49. (In Russ.).
- Bakunin A.V., Bedel A.E.* (1994). *Ural'skij promyshlennyj kompleks* [Ural Industrial Complex]. Yekaterinburg: Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. (In Russ.).

- Belov A.V. (2012). K voprosu o prostranstvennom razmeshchenii faktorov promyshlennosti v sovremennoj Rossii [On the issue of spatial placement of industrial factors in modern Russia] // *Prostranstvennaya ekonomika*. No. 2. Pp. 9–28. (In Russ.).
- Bokarev Yu.P. (2012). Virtual'no-prostranstvennyj podhod v ekonomicheskoj komparativistike. Komparativnye issledovaniya ekonomicheskoj istorii [Virtual-spatial approach in economic comparative studies. Comparative Studies of Economic History] // *Istoriya mirovoj ekonomiki. Vyp. I: Sbornik statej* [History of the World Economy, vol. I: Collection of articles]. Moscow: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. Pp. 109–160. (In Russ.).
- Feldman M.A. (2020a). Trudnaya popytka osmysleniya (novyj vzglyad na sobytiya XVII konferencii VKP(b)). [A difficult attempt to comprehend (a new look at the events of the XVII Conference of the All-Union Communist Party (b))] // *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. Volume 27. No. 1. Pp. 78–84. (In Russ.).
- Feldman M.A. (2020b). Sud'ba rossijskogo marksista na perelome epoch: prikazano vyzhit'. [The Fate of the Russian Marxist at the Turning point of epochs: ordered to survive] // *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*. No. 2. Pp. 111–121. (In Russ.).
- Itogi vypolneniya pervogo pyatiletnego plana razvitiya narodnogo hozyajstva Soyuzo SSR. (1933). [Results of the implementation of the first five-year plan for the development of the national economy of the USSR]. Moscow-Leningrad: Gosplan. (In Russ.).
- Itogi vypolneniya vtorovogo pyatiletnego plana razvitiya narodnogo hozyajstva Soyuzo SSR. (1939). [Results of the implementation of the second five-year plan for the development of the national economy of the USSR]. Moscow-Leningrad: Gosplanizdat. (In Russ.).
- Itogi oboronnoj podgotovki promyshlennosti v pervoj pyatiletke (2008) [From the analytical review of the State Planning Committee of the USSR "Results of defense training of industry in the first five-year plan"] // *Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR*. [Formation of the military-industrial complex of the USSR.(1927–1932)]. Moscow: Terra. Pp. 735–755. (In Russ.).
- Kafenhauz L.B. (1994). Evolyuciya promyshlennogo proizvodstva Rossii (poslednyaya tret' XIX — 30-e gg. XX v.). [The evolution of industrial production in Russia (the last third of the XIX-30s of the XX century)]. Moscow: Epifaniya. (In Russ.).
- Ken O.N. (2002). Mobilizacionnoe planirovanie i politicheskie resheniya (konec 1920-h — seredina 1930-h gg) [Mobilization planning and political decisions (late 1920s — mid-1930s.). St. Petersburg: Publishing House of the European University. (In Russ.).
- Kovalevsky N.A. (1929). Rajonnyj razrez v pyatiletnem plane [Regional section in the five-year plan] // *Planovoe hozyajstvo*. No. 3. Pp. 53–90. (In Russ.).
- Principy geograficheskogo razmeshcheniya tyazheloj promyshlennosti vo vtoroj pyatiletke: Sb. tezisov. Institut promyshlenno-ekonomicheskikh issledovanij. (1932). [Principles of the geographical location of heavy industry in the second five-year plan. Collection of theses of the Institute of Industrial and Economic Research]. Moscow: Publishing House of the NKTP SSSR. (In Russ.).
- Pyatiletnij plan narodno-hozyajstvennogo stroitel'stva SSSR. (1930). T. 3. [Five-year plan of national economic construction of the USSR. Vol. 3]. Moscow: Planned economy. (In Russ.).
- Shpotov B. M. (2009). Formirovanie amerikanskogo puti industrial'nogo razvitiya (konec XIX — nachalo XX veka) [Formation of the American way of industrial development (the end of the XIX — the beginning of the XX century)] // *Novaya i novejschaya istoriya*. No. 2. Pp. 20–36. (In Russ.).
- Sokolov A.K. (2012). Ot voenproma k VPK: sovetskaya voennaya promyshlennost'. 1917 — iyun' 1941. [From the military industry to the military-industrial complex: Soviet military industry. 1917 — June 1941]. Moscow: New chronograph. (In Russ.).
- Stanovlenie oboronno-promyshlennogo kompleksa SSSR (1933–1937).(2011) [Formation of the USSR military-industrial complex (1933–1937)]. Moscow: Terra. (In Russ.).
- Timoshenko A. I. (2010). Uralo-Kuzbasskaya problema v diskussiyah i resheniyah Sovetskogo pravitel'stva [Ural-Kuzbass problem in discussions and decisions of the Soviet government] // *Uralo-Kuzbass: ot zamysla k realizacii*. [Ural-Kuzbass: from design to implementation]. Yekaterinburg: Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Pp. 149–180. (In Russ.).
- Trudy pervoj Vsesoyuznoj konferencii po razmeshcheniyu proizvoditel'nyh sil Soyuzo SSR T.4 (1933). [Proceedings of the First All-Union Conference on the Allocation of Productive Forces of the USSR. Vol. 4]. Moscow: Soviet Asia. (In Russ.).
- Tverdyukova E. D. (2010). Prostranstvennoe razmeshchenie promyshlennosti i naseleniya v SSSR v 1930-e gg. [Spatial distribution of industry and population in the USSR in the 1930s]. // *Centr i regiony v istorii Rossii* [Center and regions in the history of Russia]. Moscow: Scythiaprint. Pp. 412–430. (In Russ.).
- Vasyutin V. F. (1932). Uralo — Kuzbass vo vtorom pyatiletii. Osnovnye linii razvitiya (pererabotannyj i dopolnennyj doklad, pročitannyj na pervoj Vsesoyuznoj konferencii po razmeshcheniyu proizvoditel'nyh sil). [Ural-Kuzbass in the second five-year period. The main lines of development (revised and supplemented report read at the first All-Union Conference on the Allocation of Productive Forces)]. Moscow-Leningrad: Sots.-ekonom. izdat. (In Russ.).